

**НЕТ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ!**

Читайте детективы Ольги Володарской!
В них нет запретных тем!

Кара Дон-Жуана
Последнее желание гейши
Хрустальная гробница Богини
Карма семейных бриллиантов
Сердце Черной Мадонны

Король умер, да здравствует король
Принцип перевоплощения
Свидание с небесным покровителем

Клятва вечной любви

Ножницы судьбы

Неслучайная ночь

Подумай об этом завтра

Призрак большого города

Его величество случай

Девять кругов рая

Страсть под чужим именем

Отвергнутый дар

Тайный дневник Лолиты

Лунный демон

Он бы отдал жизнь

Седьмая казнь

Две половинки темной души

Каждый день как последний

Гибельный голос сирены

Мемуары мертвого незнакомца

Ольга Володарская

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО
СЛУЧАЙ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Оформление серии *В. Терещенко*

Володарская, Ольга.

В68   Его величество случай : роман / Ольга Володарская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Нет запретных тем. Остросюжетные романы О.Володарской).

ISBN 978-5-699-77982-6

Что может быть общего между социальным работником, звездой эстрады, гламурной стервой, известным политиком и криминальным авторитетом? Казалось бы, ничего! Но жизнь столкнула их после смерти пенсионерки Элеоноры Георгиевны Новицкой. Старушку жестоко убили из-за коллекции старинных украшений князей Шаховских, которую та тщательно спрятала...

Об этом Аня Железнова узнала, когда было оглашено завещание покойной. Новицкая оставила свое имущество именно ей! Но про бриллианты в документе не было ни слова. А в тайном послании к Ане — да. Элеонора Георгиевна зашифровала план поиска коллекции, только успеет ли девушка найти ее? Слишком много людей считает, что имеет больше прав на сокровища...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-77982-6

© Володарская О., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

Часть I

СТАРУХА УМЕРЛА!

День первый

Анна

Аня отворила ободранную, держащуюся на одной ржавой петле дверь. Вошла в знакомый подъезд с вечно текущей батареей, расписанными матом стенами, заплыванным бетонным полом. Поднялась по плохо освещенной лестнице на четвертый этаж. Остановилась у обитой коричневым дерматином двери. Позвонила. И стала ждать, когда за дверью послышатся тихие шаркающие шаги. Хотя бабуля плохо ходила и была глуховатой, она открывала почти тут же, не иначе сидела в прихожей на табуреточке и ждала свою Анюту.

Но на сей раз Аня знакомых шагов не услышала. За дверью вообще стояла гробовая тишина. Странно! Даже если бабуля сидит не в прихожей, а в комнате, она должна хотя бы крикнуть, как всегда: «Иду, иду, девочка!» И радио молчит. Обычно бабуля слушает радио, она, может, и телевизор посмотрела бы, да нет его в бедной старухиной квартире. В ней вообще нет ничего, кроме допотопной мебели и старого дребезжащего холодильника. Ни телевизора, ни телефона, ни даже плиты — Элеонора Георгиевна греет свой скудный обед на примусе. И родственников у старушки нет. Есть только Аня, работница собеса, помогающая за мизерную плату одиноким старикам.

Аня устало привалилась к стене, опустила тяжелую сумку с провизией на пол. Как же она вымоталась! Сначала в собес за авансом, потом на рынок за продуктами (у старух на харчи из супермаркетов пенсии не хватает), следом на почту: одна из подопечных выписывает какую-то коммунистическую газету, а из ящика ее постоянно воруют — кому-то, видно, нечем зад потереть. После обеда по бабкам пошла: у коммунистки была — газету отдала; у кошатницы — кильку кошкам принесла; у скандалистки — достала ей брошюру «Права потребителя», чтобы впредь права качала аргументированно.

К ужину вот до своей любимой бабульки добралась, до Элеоноры Георгиевны.

Да, Элеонору (бабу Лину) Аня любила. Она была единственной из подопечных, кто ее не раздражал. Остальные склочные, капризные, желчные, жадные — каждую копейку считают и норовят тебя в краже этой копейки обвинить. А баба Лина добрая, ласковая, приветливая и гостеприимная. Почему, интересно, такая милая женщина осталась одинокой? Ни мужа, ни детей, ни внуков. Даже помочь некому...

Аня позвонила еще раз, уже настойчивее. Уж не случилось ли что с бабулей? Все же старый человек, к тому же больные ноги, сахарный диабет и шумы в сердце. Вот если плохо старушке стало, что делать? «Скорую» вызвать неоткуда. Соседи, алкаши запойные, давно от своих телефонных точек отказались, а единственная приличная бабка, проживающая в подъезде, чужим дверь не открывает, даром что Аню сто раз видела и знает, к кому она ходит.

«Жаль, что нет сотового телефона, — подумала Аня. — Как бы сейчас пригодился!» Старый аппарат, который она за копейки купила в магазине подержанных товаров, находился в ремонте, а новый она себе

позволить не могла... Собственно, чего лукавить? Она себе не могла позволить даже нового пальто, сапог или шапки. То, что на ней сейчас (драповая хламида с мутоновым воротником, дерматиновые боты, мохеровый берет), куплено в комиссионке и социальном магазине еще в прошлом году. Нищенка из коммуналки — вот кто такая Анна Железнова. Рвань и дрянь. По-другому ее и не называли. Ни мать-покойница, ни одноклассники, ни соседи, ни случайные знакомые, ни она сама... Только бабуля величала ее «девочка», «милая», «красавица»... А ведь Анна на самом деле почти девочка — только двадцать три стукнуло, почти милая — никому за свою жизнь ничего плохого не сделала, почти красавица — если причесать ее, приодеть да еще дать отоспаться... Ух какой бы Анна красавицей стала!

...Сумка с продуктами, до сего момента спокойно стоявшая на полу, накренилась — это большая банка сгущенки (любимое бабулино лакомство) упала набок и, повалившись, потянула за собой всю котомку. Аня наклонилась, чтобы ее перехватить, да так и застыла в полупоклоне...

Дверь оказалась незапертой!

В голове тут же пронеслось — такого не может быть! Баба Лина *всегда* запирает дверь. Всегда! Причем на три запора: на ключ, цепочку и щеколду. Аня даже считала это манией. Ну зачем, спрашивается, так баррикадироваться, если самое ценное, что есть в квартире, это холодильник «Днепр» 1970 года выпуска?

Но сегодня дверь была не заперта. Более того, она оказалась чуть приоткрыта. Совсем немного, Аня этого сначала и не заметила, но теперь, прислонившись лицом к дерматиновой обивке, увидела щель. Из нее пробивалась узкая полоска света и слабый запах квартиры. Аня очень хорошо его помнила, потому что он,

этот запах, был неповторим. Дома других старух пахли либо пылью, либо сыростью, либо хлоркой, либо кошачьей мочой. И только Лина квартира была пропитана неожиданно-прекрасными запахами: дорогой кожи, элитных сигар, терпкого вина и еще чего-то неуловимого... И как ни пыталась Анна уговорить себя, что ей это только чудится, ничего не получалось — она была уверена, что именно так пахнет во дворцах.

Бабулина халупа источала аромат роскоши!

Аня присела на корточки, сунула указательный палец в щель и немного приоткрыла дверь. Света стало больше. Зато запах исчез, будто выветрился.

Через образовавшуюся щель Аня смогла разглядеть узкую, усталую домотканой дорожкой прихожую: одностворчатый шкафчик в углу, тут же ящик для обуви, рядом тот самый табурет, на котором баба Лина любила сидеть, поджидая свою Анечку, на стене мутное зеркало, и дверь в самом конце коридора, которая вела в шестиметровую кухню... Вот у этой самой двери Аня и увидела Элеонору Георгиевну...

Она лежала на полу спиной к прихожей. Ее худенькие плечи, обтянутые вязаной шалью, были приподняты, словно она пожимает ими. Голова низко опущена на грудь, виден только седенький пучок на затылке. Ноги в коротких валеночках (у нее всегда мерзли ноги!) поджаты под себя.

— Бабуля, — шепотом позвала Аня и бухнулась на колени. — Баба Лина...

Элеонора Георгиевна не пошевелилась.

Аня, не вставая с коленей, на четвереньках поползла к лежащей на дощатом полу старушке. Расстояние до нее было метра три, но у Анны все никак не получалось его преодолеть. Ей казалось, что ползет она очень быстро, так быстро, что штаны на коленях изо-

рвались вдрызг, но добраться до разнесчастной кухонной двери у нее не получалось...

Наконец Аня приблизилась к сухонькому телу так близко, что смогла дотянуться до острого старушечьего плеча. Аня обхватила его ледяными пальцами, потрясла, потянула на себя...

— Бабулечка, вставай, простудишься, — зашептала Аня, приблизив губы к прикрытому седыми прядями уху. — Вставай же...

И резко дернула Элеонору Георгиевну на себя.

Тело старушки перевернулось и с глухим стуком шмякнулось на спину.

Аня отпрянула. Она увидела пустые глаза, скрюченные пальца, перекошенный рот. Глаза, пальцы и рот мертвого человека.

Бабуля умерла!

Не может быть! Почему? Как же теперь она, Аня, будет жить без Элеоноры Георгиевны? Кто, кроме бабы Лины, назовет ее «девочкой»? Кто угостит вареной сгущенкой? Кто расспросит, пожалеет, посоветует?

Аня заскулила, неумело глядя старушку по мягким, как пух, волосам, по сухоньким плечикам, по морщинистым рукам. Она склонилась над ее бледным лбом, чтобы поцеловать на прощание, как вдруг замерла... Она увидела нож, торчащий в плоской, почти девичьей груди Элеоноры. Нож? Аня не верила своим глазам. Что может делать он в груди безобидной старухи? И ладно бы ширпотребовский кухонный нож или самопальный тесак, но тот, что торчал в Элеонориной груди, был совсем другой породы. Аристократ! Красавец! Произведение искусства! Элегантная рукоятка из желтого металла, выполненная в форме обвитого змеей дерева. Крона (навершие ножа) облита зеленой эмалью, тело змеи так искусно обработано алмазом, что каждая чешуйка сверкает, а ее преувеличенно

большие глаза переливаются драгоценным блеском — каждый из них был не чем иным, как камнем, похоже, изумрудом. Единственное, что портило красоту кинжала, — это кровь, капли которой попали на сверкающее тело змеи...

Значит, баба Лина не умерла — ее убили! Аня от ужаса всхлипнула и резко отползла от тела. Убили! Безобидную старую женщину зарезали антикварным кинжалом! Такого не бывает!

Аня все пятилась, быстро перебирая ногами, и никак не могла оторвать взгляда от загадочно сверкающего змеиного глаза на рукоятке кинжала. Наконец она ткнулась спиной во входную дверь. Добралась! Теперь бежать отсюда. Скорее! Аня начала медленно подниматься с коленей, она почти их разогнула, даже успела вцепиться в ручку двери, не успела только покинуть квартиру, так как в тот миг, когда она собралась это сделать, *тишину разорвал пронзительный телефонный звонок.*

Сердце Ани содрогнулось и ухнуло в пропасть. Не может быть! Этого не может быть! В квартире нет телефона! Но откуда тогда такой трезвон? Слишком громкий, чтобы раздаваться из другой квартиры. И слишком настойчивый, чтобы его проигнорировать... Как загипнотизированная, Аня пошла на звук, осторожно продвигаясь в сторону комнаты.

Телефон стоял на тумбочке в самом углу спальни. Такой же старый, как все здесь: мебель, ковры, книги. Дряхлый телефон на дряхлой тумбочке. Только раньше его не было. Или был, но хозяйка его прятала. Вопрос — зачем?

Дрожащей рукой Аня подняла трубку.

— Алло, — хрипло произнесла она. — Алло.

— Элеонора Георгиевна? — прошелестел кто-то на другом конце провода. Неясно, мужчина или женщина.

— Нет.

— А можно ее? — вкрадчиво попросил голос.

— Нет.

— Почему?

— Она умерла, — выдохнула Аня в трубку, после чего рухнула на пол, потеряв сознание.

Ева

Ева припарковала свой огромный черный джип у самого подъезда. Она всегда так делала, ей было плевать на то, что ее внедорожник перекрывает проезд другим машинам, пусть где хотят, там и проезжают, а она не намерена пачкать свои роскошные сапожки в грязи.

Она выбралась из автомобиля, включила сигнализацию и, прежде чем войти в подъезд, привычным жестом погладила хромированный бок своего джипа. Ева его обожала. Пусть ей все твердили, что эта машина не для нее, что такой элегантной утонченной даме больше подойдет «Инфинити», «Порше», «Ягуар», «Лексус», но она была на сто процентов уверена, что мощный черный «Ренд Ровер» именно ее автомобиль. А все эти «Порши» и «Ягуары» созданы для глупых блондинистых сучек, скороспелых жен нуворишей, которые ни черта не понимают в жизни. Ева и сама была блондинистой сучкой (пардон, сукой, отпетой сукой), но далеко не глупой. С такими мозгами, как у нее, можно поступить в престижный институт, защитить диссертацию, сделать карьеру, но Ева не собиралась тратить свою молодость на такие глупости... Она и без аспирантур знала, как добиться успеха в жизни. Главное, не расслабляться: не показывать своих страхов, опасений, слабостей, еще надо уметь врать, изво-

рачиваться, бить по больному, не брезговать подлостью и быть всегда красивой. Все! Больше умной женщине никакие навыки не нужны, кроме разве что досконального владения техникой секса...

Вот чем-чем, а этой техникой она владела в совершенстве. Ева знала, как раззадорить, соблазнить, уложить мужчину. Еще знала, как вытрясти из раззадоренного, соблазненного, улаженного большие деньги. Все, чем она владела, за исключением квартиры, доставшейся ей от бабки, — брюлики, гардероб, машина, техника, новый бюст, — Еве подарили ее козлики (так она называла своих любовников). Мужчины Еву боготворили. За магнетизм, сексуальность, раскрепощенность, за стиль, красоту, стервозность наконец. Но особенно, конечно, за красоту. Ева была не просто хороша собой, она была прекрасна... как скандинавская богиня. Высокая, длинноногая, с копной платиновых волос и васильковыми глазами, она неизменно вызывала восхищение. У нее было много романов, каждый из них принес ей немалую выгоду, но ни один не закончился свадьбой. И не потому, что ей не предлагали выйти замуж, отнюдь... Просто Ева терпеть не могла условности, ненавидела ограничения и, что греха таить, презирала мужчин. К женщинам она, впрочем, тоже особой симпатии не питала, но дело не в этом...

«Зачем нужен брак? — недоумевала она. — На кой черт? Чтобы какой-то козел посадил тебя в клетку, пусть и золотую, и требовал послушания, верности, уюта в доме и отчета обо всех тратах». Нет, Еву такая жизнь не привлекала...

Ей тридцать один. Хороший возраст, самый лучший: еще ничего не висит, не морщится, не седеет, не выпадает, но уже пожила, уже личность. И капиталец нажит не слабый. Еще пару годков, и можно будет по-

слать всех этих разновозрастных богатых козлов к чертовой матери, открыть свое дело и зажечь припеваючи, снимая себе на субботние вечера юных кобельков...

Ева вошла в подъезд, поигрывая ключами, прошествовала к лифту. Мимо нее, привычно бурча ругательства, просеменила соседка — генеральша Астахова, старая гримза, единственная оставшаяся из прежних жильцов. Остальных расселили ушлые бизнесмены, возжелавшие жить в центре, выкупив у отставных вояк их обветшалые хоромы. Из старой гвардии только Астахова тут живет да сама Ева, генеральская внучка.

— Проститутка чертова... Опять свою тачку посередь дороги поставила, — прокаркала Астахова, выглядывая на улицу. — Сколько ж можно повторять...

— Иди в жопу, старая карга, — лениво сказала Ева, заходя в лифт.

Еву забавляла старухина ненависть и ее вечное ругательство «проститутка чертова», будто сейчас кто-то такими словами обидишь. Тем более что проституткой Ева не была никогда. Профессиональная любовница, вот как она себя называла. Любовница! А не какая-то там шалава, пусть и высокооплачиваемая...

Лифт поднял Еву на второй этаж. Она вышла на вылизанную приходящей уборщицей лестничную клетку, подошла к двери своей квартиры, отперла ее и вошла, с удовольствием вдыхая привычный запах отчего дома. Как же давно она здесь не была! Целых три дня... Да, Ева тосковала по своей милой квартирке, как другие тоскуют по родителям, детям, мужьям, и совсем не могла спать вне своей спальни, поэтому она редко оставалась у любовников больше чем на сутки. В этот раз пришлось сделать исключение. Уж больно козлик был щедр... И шубку из шиншиллы подарил, и

сумочку «Луи Вьюитон», и сережки с изумрудами, их, правда, придется вернуть в магазин — изумруды Ева терпеть не могла, но это, в конце концов, мелочи...

Она вошла в кухню, бросила на пол новое манто, включила любимый диск «Бах и звуки океана», налила в рюмку пятьдесят граммов перцовки, залпом выпила, занюхала комнатной орхидеей. Если бы кто-то из знакомых увидел, как светская львица Ева Новицкая хлещет плебейскую настойку, да еще и не закусывая, не поверил бы своим глазам, потому что госпожа Новицкая всегда пьет только коллекционное шампанское. На самом деле Ева его терпеть не могла, но, несмотря на отвращение, пила, и не только для имиджа, а еще и потому, что крепкие напитки кружили голову, «шипучка» же позволяла оставаться трезвой.

Налив в стопку еще немного настойки и прихватив со стола задубевший кусок медового кекса, Ева отправилась в гостиную. Там, удобно устроившись на мягком диване, она одним глотком выпила перцовку, закусилась сдобным сухарем, после чего с удовольствием осмотрелась. Хороша у нее квартирка, ничего не скажешь! Шикарная «трешка» в старинном доме, с эркером, высоченными потолками, настоящим дубовым паркетом и даже колоннадой. Конечно, в эту двадцатилетнюю старушку пришлось вложить кучу денег (одна замена труб и батарей во сколько встала, не говоря уже о реставрации паркета и новых окнах!), но результат того стоил... Честное слово, стоил! Квартира теперь была чудо как хороша... И, самое главное, не похожа на все эти однотипные современные хаты в стиле хай-тек, напичканные пластиком, винилом, стеклом и уродскими светильниками. Евина квартира была другой: на стенах ткань, на полу дуб, на потолке лепнина с позолотой, вся мебель из нату-

рального красного дерева, а аксессуары из бронзы или антикварного фарфора...

Даже страшно подумать, что когда-то она хотела весь этот хлам (тогда она еще не видела разницы между старьем и стариной) выкинуть на помойку... Было это семь лет назад, когда Ева только-только стала полновластной хозяйкой этой шикарной, но жутко запущенной квартиры и не знала, с чего начать, дабы привести ее в божеский вид. «Все выкину, — думала она, сдувая пыль с пузатого херувима, что стоял на жутком комод в углу гостиной, — все подчистую, а вместо этого безобразия поставлю шкаф «Стенли» и кровать с водяным матрасом». Помнится, она даже вытащила из квартиры журнальный столик с гнутыми ножками и собралась нести его на помойку, но, на счастье, по дороге ее перехватил какой-то чудной очкастый старик и предложил за него немислимую сумму в долларах. Ева, естественно, не продала, она всегда была девушкой практичной, вместо этого она отправилась к знакомому антиквару, который оценил кривоногий столик в два раза дороже.

С того памятного дня прошло больше семи лет, но до сих пор Ева помнит, с каким восторгом она вернулась в свою захламленную квартиру, с какой нежностью пробежала пальцами по лакированной поверхности комода (середина XVIII века, как оказалось), с каким трепетом стерла пыль с херувима, с какой неожиданной радостью осознала, что все эти вещи, принадлежащие некогда русским аристократам, телерь ее, и с какой непоколебимой уверенностью решила — она с ними никогда не расстанется!

Слово свое она сдержала: ни одна мелочь, даже самая бросовая (паршивенькое начало XX века), не покинула ее квартиры. Даже глупая конфетница из горного хрусталя, которой она не очень дорожила, осталась стоять там же, где стояла всегда — на буфете.